

УДК 165.0

МЕСТО И РОЛЬ ЯЗЫКА В АНАЛИЗЕ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ДИСКУРСА

В.В. Ходыкин*, Н.В. Зайцева**

*ФГАОУ ВО «Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева», г. Самара

**ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

В статье проводится анализ языка, главным образом в контексте осмысления его места и роли в процессе научного исследования. Язык в данном контексте выступает инструментарием фактически любого исследовательского процесса. Также в статье ставится вопрос об отличительных особенностях языка на фоне иных элементов многоаспектной когнитивной культуры. Интерес к языку в этой связи реализуется в значительной степени как полномасштабной форме демонстрации социального опыта, представленного в интенциональном сознании субъекта исследования.

Ключевые слова: *дискурс, язык, речь, фраза, субъект, смысл, понимание, интерпретация, текст.*

В свете неоднозначного развития рационалистического подхода особый интерес в философском сообществе к феномену языка можно обнаружить уже ближе к концу XIX столетия. Язык тогда перестал восприниматься как нечто сверхъестественное или ниспосланный с небес «дар богов». Сформировавшиеся еще в классической философии подходы к окружающей действительности не обошли стороной и язык. В то время рефлексивный подход к языку в значительной степени уже выявил комплекс достаточно противоречивых, как казалось большинству мыслителей, проблем. На концептуальном уровне язык стал восприниматься как феномен, выступающий связующим звеном между повседневным материальным и возвышенным духовным аспектами бытия социума и отдельно взятого человека. В данном контексте язык получил в полной мере социальное и антропологическое качество, подлинно возвысившись над биологическим аспектом человеческой природы.

В этой связи, по мнению А.Ф. Зотова, «язык стал первым претендентом на престол Духа, после того как философы бросились приземлять духовное начало» [4]. При этом показательным является то, что обращается внимание на явно метафизическую сущность языка, сверхчувственный его компонент. Когда речь идет об этом, то слова как неотъемлемые элементы языка должны содержать в себе какой-то смысл. И в то же самое время язык уже не выступает метафизической сущностью. Это означает, что слова как важнейшие элементы языка вполне доступны для чувственного восприятия, главным образом зрительного или слухового. Это

обстоятельство, в свою очередь, позволило обнаружить, что слова, казалось бы, одинаково чувственно воспринимаемые (записанные в тексте или просто высказанные), вполне могут нести в себе фактически одинаковый смысл.

Описываемый подход к языку можно обнаружить в рамках структурной лингвистики, а также философского структурализма. В качестве основоположника упомянутой традиции принято считать Фердинанда де Соссюра. Последний воспринимает язык как некое материальное «акустическое единство» в силу того, что он выступает порождением акустического аппарата нашего организма. Таким образом, порождаемые в нашем организме звуки языка образуют нечто артикуляционное и целостное. Другими словами, речь идет о словах, которые воспринимаются как звук на слух или в письменной форме становятся частью текста, доступного зрительному восприятию. Произносимые нами слова приобретают роль знака, становясь тем самым «сложным физиолого-мыслительным единством с понятием» [7, с. 47]. В рассматриваемом контексте слова по смыслу соединяются для отдельно взятого человека и целого социума в рамках единой системы коммуникации, именуемой речью. На основании изложенного Ф. де Соссюр приходит к заключению, согласно которому «объект языкознания выступает перед нами в качестве некоей груды разнородных, ничем между собой не связанных явлений. Поступая так, мы фактически распахиваем дверь перед целым рядом научных исследований» [7, с. 47–48]. По сути, речь в данном случае идет о том, что с неизбежностью существует нефизическая, или смысловая, связь между произносимыми звуками, словами, а также их вариацией в письменном виде и объектами, которые они означают. В свою очередь, такого рода смысловая связь слов и объектов окружающего мира, которые они обозначают, по мнению ученого, существует благодаря известной «структурированности физического процесса языка». Или, как он еще любил говорить, «в языке нет ничего, кроме различий» [7, с. 49]. Таким образом, можно заключить, что Соссюр фактически в качестве основного атрибута языка рассматривал различимость его основных компонентов, что как раз и дает возможность для передачи информации.

Мишель Фуко на концептуальном уровне очень близок данной философской школе, в том числе в контексте исследования языка. Философ в традиции Соссюра тоже уделяет языку значительное внимание в своих исследованиях. Рефлексивный подход к языку у него осуществляется главным образом в онтологическом ключе. Язык здесь выступает в качестве фундаментального аспекта действительности, порой даже не зависящего от человека. Такой подход к языку, по мнению Фуко, нуждается в радикальной редукции. Для этого предлагается на начальной стадии всей рефлексии в какой-то степени абстрагироваться от конкретики содержания определенных слов и словосочетаний, что должно привести к формальному синтаксису с элементами семантической нагрузки. После

этого мыслитель считает необходимым осуществить нечто подобное уже со смыслом, можно сказать, в какой-то степени по аналогии с подходом к фонологии со стороны Трубецкого и Jakobsona. Таким образом, по мнению Фуко, от языка должна остаться только так называемая «чистая структура», сопряжена преимущественно с различием в самом материале, который имеет возможность выступать в виде соответствующих знаков.

В результате этих рефлексивных операций должно появиться некое подобие априорной возможности присутствия речи. Правда, при этом фонологическое поле знаковой системы явно превосходит поле отдельно взятого языка. В то же самое время такое поле речи с наделенными смыслом отдельными словами, словосочетаниями или целыми фразами является полем отдельно взятого языка. Более детально обращая взоры к особенностям бытия отдельных фраз на фоне языка в целом, Фуко находит их довольно необычными. Он полагает в этой связи, что «язык всегда дается вторично и путем описания, объектом которого он является; знаки, являющиеся его элементами, суть формы, предписываемые данным высказыванием и управляющие ими изнутри. Если бы не было высказываний, язык бы не существовал; но существование высказывания не обязательно для существования языка (поэтому всегда можно заменить одно высказывание другим, не изменяя их)» [8, с. 86].

Говоря о языке как неотъемлемой части и инструментарии любого исследовательского процесса, нужно отметить, что этот феномен имеет свои специфические особенности на фоне иных элементов многоаспектной культуры. В этой связи одним из наиболее распространенных исследовательских подходов к языку можно считать его анализ в тесной взаимосвязи с мышлением. При этом широко известным фактом является то, что язык может быть естественным и искусственным, другими словами, специально созданным людьми в целях осуществления какой-либо деятельности. В свете этого в отечественных и зарубежных интеллектуальных кругах можно обнаружить исследовательский интерес к языку в разных аспектах.

В частности, отечественные исследователи обратили внимание на роль языка в так называемом субъектно-гуманистическом контексте когнитивного процесса. Здесь язык рассматривается не только в тесной взаимосвязи с мышлением, но значительный акцент делается на сознании. Соответственно, представляется важным обратить внимание на позицию по данному вопросу известного лингвиста А.А. Леонтьева, который делает акцент на том, «как мы понимаем онтологию языка, как трактуем мышление и – самое главное – как мы подходим к тому целому, внутри которого осуществляется взаимосвязь языка и мышления. Для нас таким целым является человеческая деятельность. Этого-то термина, видимо, и не хватает в формулировке темы дискуссии, равно как не хватает и другой важной категории – сознания» [5, с. 66]. Фактически в данном контексте речь идет о феномене языка как специфическом его со-бытии с сознанием.

В данном контексте во избежание позиционирования языка как сугубо внешнего феномена для мыслящего субъекта нет оснований сводить их отношения лишь к какому-либо пассивному созерцанию. Это, по всей видимости, означает, что язык важно рассматривать как особое пространство для субъекта, активно занимающегося рефлексивной и когнитивной деятельностью по отношению к окружающей его действительности. Развивая мысль в данном направлении, будет важным привести в качестве весомого аргумента слова Э. Бенвениста: «Невозможно вообразить человека без языка и изобретающего себе язык... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, со всей необходимостью принадлежит самому определению человека» [2, с. 293].

В контексте задач данного исследования будет полезным рассмотреть духовную составляющую функционирования языка. Присутствующие в общественном сознании установки, ориентиры, концентрируясь в так называемой онтологии языка, определяют в значительной степени для каждого отдельно взятого субъекта универсальные требования к технике мышления. В свою очередь, содержание общественного сознания в виде установок, ценностей, ориентиров, распространяясь на каждого рефлексизирующего субъекта, представляет собой массив накопленного социального опыта.

Соответственно, язык выступает полномасштабной формой демонстрации социального опыта в целом. Данное образование активно способствует процессам систематизации, классификации, наделения значимостью разного рода природных и социальных феноменов. Все это осуществляется посредством наличия в арсенале языка разного рода зависимостей, отношений между отдельными элементами и их объединениями. На этом основании можно утверждать, что язык представляет собой своеобразную для каждого отдельного субъекта возможность извлекать из многогранного социального опыта необходимый для проведения исследований в какой-то конкретной области материал.

Развивая данную мысль, можно отметить, что одной из важнейших эвристических задач языка выступает активное содействие процессу трансформации внешнего для субъекта мира в мысли. Результат такого специфического процесса Вильгельм фон Гумбольдт называл «языковым мировидением». В данном контексте ученый выходит за рамки концепции, согласно которой субъект контактирует с действительностью самым непосредственным образом. Другими словами, данный процесс предполагает наличие особого «мира, лежащего между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [3, с. 304]. В результате, термин «между» означает, что язык обретает целую совокупность сформировавшихся в социуме значений, способствующих активной трансформации внешних сознанию субъекта элементов бытия в соответствующие мыслительные конструкции. Дополняя изложенное выше, следует признать, что естественный язык, по сути своей, интерсубъективен. Довольно незначительные вариации в данном случае могут присутствовать лишь в аспекте

освоения каких-то лексических нюансов специфических когнитивных конструкций. В то же самое время разного рода специальные языки в силу специфики их терминологии и смыслового содержания всегда были и остаются уделом относительно небольших групп людей, объединяющихся по профессиональному признаку, общности увлечений и т. д.

Широко известен факт, что язык обладает всепроникающей способностью. В этой связи Э. Сепир описывал язык как «форму выражения для всякого обмениваемого опыта» [6, с. 172]. Правда, при этом вполне очевидно, что специфической чертой естественного языка на фоне специально созданных для осуществления фундаментальных научных исследований языков с присущей им четкостью и недвусмысленностью означаемых предметов выступает так называемая полисемия или, другими словами, многозначность терминов. На этом основании весомое значение имеет также контекст, в котором язык может проявлять свое присутствие. Речь в данном случае может идти главным образом о лингвистическом аспекте присутствия рядом с рассматриваемым термином каких-то иных понятий, утверждений, предположений или же о наличии обозначаемой субъектом какой-либо отдельной или иной по отношению к исследуемой терминологии предметной ситуации. В свою очередь, в силу рассмотрения категории в определенном контексте фактический дискурс может осуществляться посредством словарного запаса в каком-то конкретном, четко очерченном смысловыми рамками тематическом поле.

Другой важный момент заключается в том, что запас терминов и их смысл, которым располагает отдельный субъект или исследовательская группа, во всех ситуациях имеет свои ограничения. Все это влечет за собой избирательный подход к нужной для передачи информации терминологии. Другими словами, в данном случае подразумевается использование так называемой смысловой полисемии соответствующих категорий не в полном их объеме в силу лимитов, налагаемых конкретным тематическим аспектом их семантического поля, закрепленным в имеющем место исследовательском дискурсе. Какие-то иные контексты используемой терминологии, можно сказать, остаются за бортом достаточно четких рамок тематического дискурса. Правда, иногда отдельные фразы могут не выражать полностью необходимых аспектов значения используемых в дискуссиях категорий. В таких случаях роль компенсаторного механизма выполняет контекст определенной группы тесно связанных по смыслу фраз или предмет дискурса в целом. Весьма показательным все это осуществляется в процессе взаимообмена вопросами и ответами, что со всей неизбежностью предполагает соответствующий общему контексту семантический выбор терминологии участниками дискуссии. Это, в свою очередь, уже обеспечивает участникам дискурса возможность доносить до адресата всю полноту необходимой для проводимого исследования информации.

В то же самое время в рамках осуществления естественной коммуникации рассматриваемый контекст способствует унификации используемой терминологии. Другими словами, происходит выбор конкретного контекста из имеющегося порой богатого по смыслу набора значений используемого термина в целях соответствия определенному заранее предмету исследовательского дискурса. В результате происходит выбор контекста, четко лимитирующий возможную полисемию. Сам по себе процесс понимания в ходе дискурса связан с обретением тематического содержания направляемого посыла со стороны собеседника с последующим его рефлексивным анализом.

В рамках дискурса всегда проявляются универсальные онтологические схемы ведения дискуссии на конкретном языке. Все это предполагает со всей очевидностью установление участниками исследовательского дискурса четкого тематического контекста, включающего соответствующий языковой инструментарий, сам предмет обсуждения, а также весь необходимый арсенал доступной информации о нем. В процессе обретения специфического для конкретного дискурса тематического контекста осуществляется еще и его объективация, а также выявление личностного аспекта передаваемой собеседниками друг другу информации об объекте исследования. Здесь необходимо обратить внимание еще и на то, что дискурс как раз показывает нам довольно четкие лимиты, в которых возможно понимание самой схемы, по которой он осуществляется. При этом степень разнообразия субъективных смыслов, которые могут проявляться при помощи языка, коммуникации, артефактов, обычаев, ценностей, может приобретать культурно-исторические границы в аспекте интересующего потенциала имеющихся в наличии схем предметности рефлексивных и когнитивных традиций.

Таким образом, все мы, являясь носителями определенного языка, не можем покинуть его рамок или каким-либо специфическим образом попытаться на какое-то время абстрагироваться от него, взяв на вооружение какой-нибудь иной инструмент познания. Более того, любое исследование самого языка осуществляется исключительно при его же активном использовании. В. Гумбольдт аллегорически выражает суть данной мысли: «...каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступать в другой круг» [3, с. 15]. В результате само по себе понимание в качестве комплексного обретения сущности передаваемого субъективного оказывается едва ли возможным. Дело в том, что соответствующие условия понимания предполагают наличие определенного инструментария коммуникаций в виде всевозможных представлений об окружающем мире, свойственных конкретной культурно-исторической эпохе и одновременно определяющих ее облик. Это все означает возникновение определенных сложностей в постижении сути передаваемого участником дискурса посыла о спорном предмете ввиду того, что это есть нечто или нечто «в себе и для себя».

Конечно, надо признать, что подобный алгоритм дискурса скорее предполагает нечто, похожее на теоретическую абстракцию, нежели про-

исходящее в данном контексте на самом деле. Сложившиеся реалии современного социума с его сложной и витиеватой структурой говорят о наличии многих сфер его жизни с их всевозможными структурными подразделениями, каждая из которых предполагает использование своего специально созданного языка. Это обстоятельство создает для общества определенного рода риски его осязаемой фрагментации по всевозможным критериям, которые могут зависеть, а могут и не зависеть от воли конкретных людей и их объединений. Все это, в свою очередь, создает условия для обособления естественного и специально созданных языков как средства коммуникации в самых разных социальных группах. На первый взгляд похожая терминология на самом деле может нести в себе существенные отличия в скрытом там смысле и вариациях его соотношения с предметами основных языковых конструкций. Также в данном контексте важно отметить еще и имеющий место эмоционально-психологический фактор, который осязаемым образом способен влиять на ход понимания и интерпретации даже в пределах одного языка.

На основании изложенного выше можно предположить, что феномен понимания проявляет себя наиболее полноценным образом в процессе соприкосновения разных языков с присущими им онтологическими контекстами. Подобного рода феномены, по всей видимости, восходят своими корнями к процессу перевода с языка на язык. Сопоставление языка и бытия вокруг нас происходит в основном посредством взаимодействия определенных элементов языка и обозначаемых им объектов. Другая возможность сопоставления языка и действительности здесь просматривается через взаимосвязь языковых значений в структуре языка. Также весомую роль играет взаимодействие структуры языка с окружающим миром, каким-либо образом уже нашедшим свое отражение в имеющейся культурной среде. В свою очередь, смысловое поле порой может быть некорректным в случае разительных отличий носителей языков по причине существенной разницы в сформировавших их культурных средах. Причем масштабы словарного запаса, связанные с конкретной сферой жизни социума, находятся в прямой зависимости от степени развития данной сферы. Помимо этого в лингвистике известно, что в случае тождественности смысловых полей при переводе с одного языка на другой нет никаких гарантий полного совпадения обозначения одними и теми же лексическими единицами одних и тех же объектов.

В действительности каждое научное исследование всегда стремится к преобразованию субъективного аспекта в объективный посредством открытого аргументированного дискурса. В свою очередь, будучи неотъемлемым компонентом полноценного научного исследования, перевод с языка на язык своей важнейшей целью ставит обретение объекта лингвистического сопоставления в его собственном естестве в качестве так называемого внешнего референта. Соответственно, здесь тоже налицо стремление к нивелированию субъективного фактора посредством отхода от влияния всевозможных вариаций лингвистической категоризации объекта сопоставления. Достижение подобного рода целей, по

всей видимости, в любом случае сопряжено с необходимостью трансформаций в рамках соответствующих культурно-исторических компонентов онтологического поля семантических значений. А это уже требует полноценного рефлексивного анализа и возможного критического пересмотра всей совокупности упомянутых элементов онтологии семантических значений.

Со всей очевидностью надо полагать, что подобные трансформации в мировоззрении, как показывает культурно-исторический опыт, происходят достаточно регулярно. Причем рассматриваемые в данном контексте процессы в значительной степени затрагивают фундаментальные научные исследования, что порой приводит к сменам существующих парадигм. В целом в аспекте культуры конкретной эпохи развития общества это означает глубокие изменения внутри системы когнитивного опыта. В свою очередь, в структуре такого опыта имеются соответствующие механизмы объективации так называемых неявных когнитивных предпосылок в каких-то определенных культурно-исторических границах. В то же самое время границы какой-либо отдельно взятой исторической эпохи предполагают наличие четких представлений о естестве конкретного объекта исследования в контексте его предметно-смыслового понимания.

Соответственно, по уже сложившейся традиции рефлексивный анализ феномена понимания связывают с процессом интерпретации. В данном контексте под процессом интерпретации подразумеваются сложные схемы, соответствующие совокупности норм, правил анализа уже устоявшихся культурно-исторических традиций. Причем наиболее весомую роль в уже традиционном герменевтическом анализе процесса интерпретации играет текст. В то же самое время традиционно текст выступает своеобразной письменной демонстрацией практически любого опыта, в том числе рефлексивного и когнитивного. А это уже осуществляется вне границ как самого непосредственного живого общения на базе речи, так и каких-либо элементов перевода.

Согласно широко распространенной точке зрения, сами по себе феномены понимания и интерпретации текста выступают сложными элементами в методологии научного исследования. Более того, практически каждое сколь-нибудь весомое для социума действие субъекта с непосредственно очевидным результатом в итоге может фиксироваться в знаково-символической форме, или, другими словами, как какой-то текст. В свою очередь, по мнению М.М. Бахтина, «текст – это первичная данность (реальность) и исходная точка всякой гуманитарной дисциплины. Конгломерат разнородных знаний и методов, называемый филологией, лингвистикой, литературоведением, науковедением и т. п.» [1, с. 292].

В контексте научных исследований, осуществляемых главным образом на принципах рациональности, анализ текста предполагает акцентирование внимания на гносеологических аспектах процесса его понимания. Сам по себе феномен понимания текста, по замечанию М.М. Бахтина, предполагает «сложное взаимоотношение текста и создаваемого

обрамляющего контекста, в котором реализуется познающая и оценивающая мысль ученого» [1, с. 285]. Таким образом, специфика процесса понимания и интерпретации текста на фоне философского или научного дискурса, а также перевода заключается в основном в трансформациях когнитивной функции языка в ситуациях, когда осуществляется фиксация каких-либо лингвистических смыслов посредством письма в условиях определенной культурно-исторической эпохи.

Заметную роль в данном случае играет имеющаяся разница в вариациях так называемой объектной направленности устного посыла посредством речи и письменного текста. Как хорошо известно, речевой дискурс осуществляется при непосредственной адресации используемого категориального аппарата к имеющему интенциональное значение для участников диспута объекту. Однако при этом тематический материал, заключенный в языковых конструкциях в тексте, уже не имеет соответствующих остенсивных референтов, или, другими словами, сопутствующих непосредственной демонстрации элементов. Все это имеет самое непосредственное отношение не только к автору, но и к интерпретатору содержания рассматриваемого письменного текста. Соответственно, текст, оказавшись в интенциональном поле его интерпретатора, постепенно утрачивает какую-либо эпистемическую связь с мировоззренческими ориентирами, характерными для родной автору культурно-исторической эпохи. Причем особое значение для процесса духовного размежевания автора и интерпретатора текста имеет постоянная трансформация в отражении окружающего мира посредством соответствующей терминологии. Подобного рода трансформация, в свою очередь, находит регулярное отражение в родной интерпретатору текста языковой среде конкретной исторической эпохи с ее устоявшимися рефлексивными и когнитивными установками и ориентирами.

В результате в процессе понимания и интерпретации текста исследователь располагает соответствующим пропозициональным содержанием основных текстовых конструкций. Что, в свою очередь, дает предметную возможность интерпретатору текста осуществлять преобразование имеющихся у автора субъективных представлений, информации в объективные. Можно заметить, что готовое, в письменной форме зафиксированное знание становится практически в равной степени независимым от своего автора, интерпретатора и даже от какой-либо явной соотнесенности с окружающей действительностью.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Худож. лит., 1979. 423 с.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
3. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. 400 с.
4. Зотов А.Ф. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2001. 784 с.
5. Леонтьев А.А. Деятельность, сознание, язык // Вопросы философии. 1977. № 12. С. 66–69.

6. Сепир Э. Язык. Введение в изучение речи. М.; Л.: Гос. социально-эконом. изд-во, 1934. 223 с.
7. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 696 с.
8. Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

THE PLACE AND ROLE OF LANGUAGE IN THE DISCOURSE ANALYSIS RESEARCH

V.V. Khodykin*, N.V. Zaitseva**

*Samara National Research University named after acad. S.P. Korolev, Samara

**Samara State Technical University, Samara

The article is aimed at the analysis of the language phenomenon mainly in the context of its place and role in the research process. Language in this context acts as a toolkit of virtually any research process. At the same time, this study raises the question regarding the specific characteristics of the phenomenon of language against the background of other elements of a multidimensional culture. Interest in language in this respect is manifest largely in its understanding as a form of a full-scale demonstrations of social experience represented in the intentional consciousness of the subject of study.

Keywords: *discourse, language, speech, phrase, subject, meaning, understanding, interpretation, text.*

Об авторах:

ХОДЫКИН Владимир Владимирович – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии ФГАОУ ВО Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева, г. Самара. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

ЗАЙЦЕВА Наталья Валентиновна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара. E-mail: zajceva.natalia2012@yandex.ru

Authors information:

KHODYKIN Vladimir Vladimirovich – PhD, Assoc. Prof. of the Philosophy Dept., Samara National Research University named after acad. S.P. Korolev, Samara. E-mail: VKhodykin@yandex.ru

ZAITSEVA Natalya Valentinovna – PhD, Prof. of the Philosophy Dept., Samara State Technical University, Samara. E-mail: VKhodykin@yandex.ru